

Пост-секулярное в пост-атеистической России

Александр Кырлежев, Андрей Шишков

Обычно в дискуссии о секуляризации обсуждается тот факт, что этот процесс проходил по-разному в Европе и в Америке, и таким образом выделяются два случая секуляризации: европейская (классическая) и американская. Однако к этому следует добавить еще один случай: советская секуляризация (в СССР и других странах с коммунистическими режимами). Этот особый тип секуляризации пока еще плохо изучен и с фактологической, и с теоретической точки зрения. Но говорить о постсекулярном в постсоветской России невозможно, не учитывая специфику советской секуляризации. Поэтому мы прежде должны остановиться на этом вопросе.

Советский тип секуляризации

1. Для советского (коммунистического) режима характерно, с одной стороны, формальное законодательное закрепление принципа свободы вероисповедания, которое означает, что секуляризация понимается как постепенный процесс: религии отводится особое место, хотя и в маргиналиях общества.

Однако, с другой стороны, в силу идеократической природы советского режима, можно говорить о государственном атеизме, насильственно распространяемом на все общество (поскольку в условиях советского режима общество практически совпадает с государством). Атеизм (безрелигиозность) рассматривается как норма, а религия (религиозность) – как пережиток прошлого и, соответственно, как девиация (вплоть до того, что религиозность «полноценного» советского человека квалифицируется как патология с точки зрения психиатрии). Как следствие, индивидуальная религиозность оказывается серьезным препятствием для профессиональной карьеры и любых форм активного участия в общественной жизни и деятельности.

Таким образом, если в европейской ситуации секуляризация есть прежде всего и по преимуществу приватизация религии, вытеснение ее из общего социокультурного пространства, то в советской ситуации секуляризация оказывается вытеснением религии также и из частной сферы, поскольку несоответствие частной жизни (индивидуальной, семейной, групповой) истинам идеократии расценивается как антиобщественный факт, опасный для государства. В советской ситуации приватная сфера фактически сведена к нулю, а потому актуализируется только в общественном «подполье».

2. Секуляризация советского типа осуществляется через фактическое *подавление религии/религиозности*. Можно выделить следующие виды подавления:

- Институциональное (уничтожение и сокращение религиозных организаций, культовых зданий и проч.)
- Административное (контроль за деятельностью религиозных структур, подавление и ограничение внутри-институциональной религиозной активности, репрессивная фискальная политика по отношению к религиозным организациям, препятствия для верующих в карьерном плане и проч.)
- Уголовное (преследование за незаконную религиозную деятельность: организованное обучение религии, в том числе детей, распространение религиозной литературы и проч.)
- Психиатрическое (насильственное «лечение» верующих, прежде всего «религиозных диссидентов»)
- Психологическое (общественное давление на верующих – в школе, на работе, в армии, в СМИ и проч.)

Кроме того, осуществляется вытеснение религии в культурно-образовательной сфере через:

- реинтерпретацию роли религии в истории;
- десакрализацию искусства (все религиозное содержание произведений искусства интерпретируется как «тематическое»);
- замалчивание или критику религиозно-философской и богословской традиций.

3. Советская секуляризация осуществлялась посредством постоянного нарушения права на свободу вероисповедания (индивидуального и коллективного), в частности, права открытого исповедания религиозной веры в школе, университете, армии, больнице, тюрьме и проч.

Вместе с этим в ограниченных масштабах, определяемых властью, существовали религиозные организации и отправлялся религиозный культ, а потому были и те, кого можно назвать «легитимными верующими». Эту группу по преимуществу составляли граждане со следующими характеристиками: малообразованные; с низким социальным статусом; пожилые люди (пенсионеры); женщины (в подавляющем большинстве); наконец, профессиональные служители Церкви в широком смысле: не только священнослужители, но и все, кто работает в религиозных организациях (последние находились в социальном гетто). В качестве исключения (в целом лишь подтверждающего правило) следует указать на регионы массовой (народной) религиозности: Западная Украина, Западная Белоруссия, отчасти Молдавия (именно эти регионы в основном обеспечивали воспроизводство священнослужителей в РПЦ), а также Северный Кавказ и Средняя Азия (ислам).

4. Важной чертой советской секуляризации была секуляризация религиозного сознания у «легитимных» носителей религиозности. Суть этого процесса состоит в «дистилляции» религиозного сознания: религиозные смыслы, ценности и мотивации оказываются отделены от всех секторов социокультурного целого. Отождествить эту черту советской секуляризации с приватизацией религии на Западе вряд ли было бы правильно, так как в условиях советской идеократии присутствие религии в общезначимых сферах не снижалось в результате определенных общественно-исторических процессов, но было заведомо запрещено и фактически не допускалось.

Коллапс советского режима

В результате краха советского коммунистического режима произошло автоматическое снятие всех ограничений религиозной жизни и деятельности. Религия вышла из того религиозного гетто, в которое была насильственно помещена, и постепенно стала занимать то легитимное место в структуре социальной дифференциации, которое ей было отведено в процессе европейской секуляризации.

В этом смысле постсоветский период есть период «европеизации» религии и соответствующей ее «секуляризации»: формирование светского (деидеологизированного) государства; реальное разделение церкви и государства (в досоветский период церковь была государственной, в советский – реально подконтрольной государству); становление государственного светского (деидеологизированного) среднего и высшего образования.

Постсоветское «возрождение религии» означало не только практическую реализацию религиозной свободы, но и восстановление более богатого и объемного религиозного сознания (насыщение «дистиллированной воды солями»).

Кроме того, возврат религии (на начальной стадии постсоветского периода) сопровождался общественным чувством вины перед ранее гонимой Церковью и теми, кто героическими усилиями сохранял репрессированное религиозное наследие. Впрочем, это чувство вины имело место на фоне почти тотальной неосведомленности широкого общества о самой религии, о ее системе представлений и ценностей, а также структуре и специфике.

Соответственно, говоря о постсекулярном применительно к посткоммунистической (пост-атеистической) России, необходимо учитывать, что мы имеем дело, с одной стороны,

с тем, что происходит *после советского* (после советской секуляризации), а с другой стороны, с процессами выхода российского общества из ситуации изоляции от европейской и мировой ситуации и *вхождения в международный и глобальный контексты*.

Постсекулярное по отношению к опыту советской секуляризации

1. О постсоветской ситуации можно утверждать, что в ней происходит возвращение религии в публичную сферу, что является одной из основных черт постсекулярной ситуации. Но специфика постсоветской ситуации заключается в том, что в этот же самый период происходит и восстановление частной сферы, так что религия возвращается и в эту частную сферу (что, скорее, относится к парадигме классической секуляризации). Соответственно, особой чертой постсоветского постсекулярного является то, что реализация права на индивидуальную (частную) религиозность приобретает общественный резонанс, становится предметом публичной дискуссии и даже политической проблемой (например: президент, публично обозначающий свою приверженность православию). Религия *одновременно* возвращается и в частную, и в публичную сферу.

Это переплетение частной религиозности и публичного присутствия религии (и, соответственно, «секулярного» и «постсекулярного») обнаруживается в процессе попыток решить целый ряд конкретных проблем:

- Школа (как обеспечить право получать сведения о религии в рамках общего образования, не нарушая принципы светскости государственного образования?)
- Армия (как обеспечить право на вероисповедание в армии, не воспроизводя досоветскую практику?)
- Тюрьма (та же проблема)
- Церковь и музеи (как обеспечить возврат религиозных ценностей и артефактов Церкви, одновременно обеспечив сохранность и доступность соответствующих музейных фондов?)
- Собственность (производить ли и как производить реституцию церковной собственности при отсутствии реституции собственности в целом?)

Все эти и некоторые другие подобные проблемы становятся предметом общественной дискуссии и даже порождают серьезные конфликты.

Соответственно, возникает вопрос о том, каков характер этих проблем: (1) это проблемы, которые решаются в рамках парадигмы секуляризации (как в других европейских странах), или (2) это проблемы, характерные для постсекулярной ситуации?

2. В то же время к постсекулярным феноменам следует отнести более или менее активное присутствие религиозного дискурса в:

- публично обсуждаемых постсоветских историософских концепциях (в частности, в концепции «православной цивилизации»);
- в новой политической мифологии (например: православие как гражданская религия);
- в публичных проектах религиозного фундирования общественной морали (общегражданские ценности, социальная этика, хозяйственная этика);
- в обсуждении возможности включения в действующее светское право религиозных элементов (например, норм шариата, религиозно обоснованного запрета абортов);
- в интерпретации отношений церкви (РПЦ) и государства в терминах «симфонии» (слова президента Медведева, публично, перед телекамерами, обращенные к патриарху).

Одновременно следует учитывать, что все эти явления имеют место *после советской секуляризации*, определявшейся репрессивной идеократией, которая вообще не оставляла места ни для какой общественной дискуссии по указанным вопросам (ни в

масштабе общества в целом, ни в отдельных его секторах, в том числе в социальной науке и в социально-политической мысли).

3. Та же амбивалентность того, что можно назвать постсоветским постсекулярным, проявляется и в общественном восприятии соотношения религии и науки, религиозного мировоззрения и научного мировоззрения (сциентизм).

Новые поколения, выросшие в постсоветский период, формировались не в условиях некоего общественного консенсуса относительно авторитета науки (прежде всего гуманитарных, или социальных, наук), а в атмосфере освобождения от идеологизированной советской науки плюс на фоне возвращения в открытое, публичное пространство прежде репрессированной религии. Это означало низкий авторитет сциентизма и высокие ожидания в отношении религии (как традиционных для России религий, так и нетрадиционных, а также различных синкретических квазирелигий типа New Age). Иными словами, новые поколения сформировались в такой социокультурной ситуации, в которой не доминируют ни светские, ни религиозные мировоззрения и системы ценностей. Эту ситуацию можно назвать принципиально постсекулярной, но одновременно в российском контексте она многим обязана именно краху советской идеократии и сопровождавшей ее секуляризации советского типа.

4. Равным образом, и общественная активность религиозных структур может быть (и, очевидно, должна быть) интерпретирована одновременно как деятельность, компенсирующая прежние (советские) ограничения и репрессии, и как постсекулярное явление, отражающее глобальные тенденции.

5. Но, несомненно, в качестве постсекулярной черты следует рассматривать тот факт, что в нынешней российской (постсоветской) ситуации религиозная идентичность является почти неотъемлемой идентичностью в наборе индивидуальных и групповых идентичностей. При этом она может выступать не только как собственно религиозная, но и как этнорелигиозная идентичность или как идентичность, указывающая на культурную сопричастность религии.

Так сказать, в индивидуально-социальном аспекте отношение к религии в нынешнем российском обществе можно описать так (что прямо противоположно тому, что характерно для периода советской секуляризации): «Современный человек активного возраста, любого социального статуса, образования и профессии может равным образом быть как религиозным, так и безрелигиозным или антирелигиозным, как активным, так и пассивным приверженцем религии». Нет ни общественного консенсуса, ни доминирующих представлений, которые каким-либо образом репрессировали бы индивидуальную или групповую религиозность. Напротив, на данный момент публично заявленная религиозность (прежде всего православность) скорее повышает общественный статус и увеличивает символический капитал человека, чем наоборот. Быть религиозным – это не дефект, но достоинство. Ибо публично религиозны: многие политики, общественные деятели, бизнесмены, генералы, люди искусства, спортсмены, журналисты... А более или менее публично нерелигиозны (или антирелигиозны) представители трех групп (являющихся скорее маргинальными): часть ученых-естественников; часть либералов-западников; и носители «реликтового» советского сознания. При этом никак нельзя сказать, что религия/религиозность доминируют в общественном сознании. Ситуация такова, что в маргинальном положении может оказаться любая группа, так как нет устойчивых представлений о норме и девиации.

Выводы

1. Советский тип секуляризации является особым типом наряду с европейским (классическим) и американским. Для советской ситуации характерно формальное введение европейских «секуляризационных» норм присутствия религии при фактическом их нарушении, заключающемся в подавлении религии/религиозности и вытеснении ее не только из публичной, но и из приватной сферы.

2. Возвращение религии в общество после крушения советского коммунистического режима обусловлено двумя процессами: а) восстановлением частной сферы и переходом к европейской секулярной парадигме; б) включением в мировые постсекулярные процессы.

В постсоветской российской ситуации протекание этих двух процессов происходит одновременно. Возвращение в ситуацию европейской секуляризации для постсоветского общества является также и *постсекулярным* процессом, если соотносить этот процесс с советской секуляризацией.

3. На данный момент в российской ситуации отношение к религии можно назвать равновесным. В обществе ни религиозность, ни безрелигиозность, ни антирелигиозность не являются доминирующими. Видимо, это обусловлено как мировыми постсекулярными процессами, так и выходом из процесса секуляризации советского типа.